

НИКОЛА ТОК

СЧАСТЬЕ ЗДЕСЬ

Путь выхода
из лабиринта ума

Никола Ток

Счастье здесь Путь выхода из лабиринта ума

<https://litres.ru/73976328>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Счастье здесь» — это книга не о том, как стать счастливым, а о том, как перестать убегать от себя.

Автор честно и без прикрас рассказывает, как оказался в лабиринте

собственного ума, где даже победы не приносят покоя, где деньги, ста-

тус и успех не лечат внутреннюю пустоту, а страх потерять контроль

становится единственным двигателем. И о том, как однажды, на грани

полного истощения, он понял: стены лабиринта построены из мыслей.

А выход не в том, чтобы найти дверь, а в том, чтобы перестать верить в

их существование.

Автор не изображает из себя святого. Он честно рассказывает, как

деньги и статус не спасли от тревоги, а превратили семью в поле битвы,

а его самого — в заложника собственного эго.

Эта история не инструкция и не методика. Это приглашение остано-

виться. Выдохнуть. И заметить, что счастье уже здесь.

Открой книгу. Не для ответов. Для того, чтобы перестать чувствовать

себя одиноким в собственном лабиринте.

Никола Ток

Счастье здесь Путь

выхода из лабиринта ума

Никола Ток

Счастье здесь

Путь выхода из лабиринта ума

ДЕВЯТЬ ИМЁН КРЕАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

2026

ДЕВЯТЬ
ИМЁН

От автора

Лабиринта не существует

Есть момент, который я долго не мог назвать. Он не похож на «озарение» из книжек и не имеет красивой формы. Скорее, трещина на стекле. Сначала она тонкая, почти незаметная. А потом, внезапно, стекло уже другое. И я — тоже другой.

Пишу все это не для того, чтобы впечатлить. Или убедить.

А потому что знаю, как это бывает. Просыпаюсь утром, и вроде все нормально. Всё есть. Дела. Обязанности. Семья. Планы. Тело. Город. Есть деньги (или их вечное отсутствие). Цель. И тревога.

И вот иду по привычной траектории, как по коридору, который давно выучил наизусть. И в какой-то момент ловлю себя на странной мысли: «А чью жизнь я вообще живу?»

Эта мысль редко приходит громко. Обычно она тихонько шепчет на ухо по утрам.

Но если ее вдруг услышать, внутри по чуть-чуть начинает что-то меняться...

Мне было 30 с лишним, когда я впервые честно признался себе: не понимаю, что со мной.

Я не был слабым и ленивым. Скорее из тех, кто умеет «встать и сделать». Собраться. Тянуть. Держать лицо.

Я умел быть «нормальным» — настолько, насколько это вообще возможно.

Только вот внутри жило ощущение, что уперся в стеклянный потолок и бился головой о невидимую границу. Я старался, ускорялся, усложнял задачи, делал «как надо», но все равно будто оставался в одной и той же точке.

Менялись декорации, города, проекты, мечты, а напряжение оставалось.

С годами оно стало фоном. Как шум кондиционера, который замечаешь только тогда, когда его выключаешь. И я продолжал идти, потому что так учили.

Так устроено в жизни.

Сначала дают комнату под названием «детский сад» и говорят:

— Будешь хорошим — будет хорошо.

Потом — «школу»:

— Учись — и будет счастье.

Потом — «работу»:

— Работай — и будет счастье.

Потом — «семью»:

— Создай — и будет счастье.

Потом — «дом», «кредит», «статус», «путешествия», «правильное окружение», «саморазвитие».

Комната за комнатой. Коридор за коридором. За каждой открытой дверью новая комната с квестом, коридор и новая дверь.

Иногда в лабиринте было красиво. Порой даже весело. Были комнаты, в которых пахло кофе, морем и кожаным салоном новой машины. Иногда лабиринт переносил в очень дорогие места: яхты, виллы за миллионы долларов, — но почему-то не было ощущения полного присутствия в нем.

Тогда ум предлагал простое объяснение: «Еще немного: один шаг, уровень, проект. Еще одна победа — и станет легче».

Я поверил в это очень глубоко. Настолько, что, когда в жизни случился первый большой успех, был убежден: «Вот оно. Вот сейчас все наладится».

Но увы...

Деньги действительно решают одну проблему — наличия самих денег.

Но есть странная штука: когда исчезает один страх, который годами держал за горло, наружу выходят другие. Те, которые были спрятаны глубже.

Именно так у меня началось то, что я позже назову лабиринтом ума. Не жизнью. Не обстоятельствами. Не людьми вокруг. А тем, что происходит внутри, когда пытаешься жить «правильно», но перестаешь чувствовать живое.

Я не стану изображать из себя святого.

Не буду прикрывать красивыми словами то, что было грязным.

Не выставлю виноватыми жену, мир или судьбу.

Эта книга не про чужую вину. Она про то, как я увидел:

Страдание — это не наказание. Это сопротивление. А оно почти всегда живет в голове.

Я много лет думал, что мне нужно «стать лучше», «исправиться», «доказать», «научиться контролировать», «прокачаться», «перепрошить себя».

Я делал все, что делает человек, который отчаянно хочет выбраться: практики, тренинги, системы, книги, учителя, дисциплина, крайности.

Иногда казалось: вот я почти...

А потом — снова падение.

Снова шум.

Снова голос.

Этот голос обычно очень убедителен. Он может быть заботливым, а может быть жестоким. Может быть циничным или, наоборот, поддерживающим. Но суть одна: он хочет удержать в лабиринте, потому что лабиринт — территория власти этого голоса. (Я не знаю, как объяснить все это красиво, без пафоса.)

Но однажды я понял: этот голос не я. Не мысль, которая звучит в голове. И даже не тот, кто спорит с мыслью.

Есть что-то еще, гораздо Большее. То, что сохраняется, когда мысль исчезает. Как океан остается, когда огромная волна накатывает на берег и уходит.

Я впервые почувствовал это не на вершине горы, не в храме и не в какой-то «идеальной» медитации. Это случилось в бытовые моменты — там, где ум на секунду проигрывал.

И вдруг открывалось пространство. Потом исчезало. И я снова начинал искать его как состояние, цель, трофей. И снова терял.

Только позже, через боль и усталость, я увидел самое главное:

Пробуждение — это не состояние. Это сдвиг в сознании.

Не «достигать» тишины, а обнаруживать, что она всегда была здесь — под шумом.

И вот здесь — ключ этой книги.

Большинство людей думают, что выход из лабиринта где-то за правильной дверью, которую надо найти. В правильной практике, человеке, работе, стране. В правильном смысле.

Но мой опыт показал другое.

Выход — это не дверь.

Выход — в видении и осознании, что стены нарисованы.

Лабиринт существует ровно до той секунды, пока веришь, что он реален. А пока ищешь выход внутри него, то подтверждаешь, что он в принципе существует. Пока споришь с лабиринтом, «кормишь» его. Пока боишься, поддерживаешь его форму.

И в какой-то момент (не потому что «умный», а просто устал) происходит странное: поднимаешь голову. Не метафорически. По-настоящему. И видишь бесконечное небо там, где всю жизнь был потолок.

Не скажу, что сразу происходит чудо или жизнь превращается в идеальную картинку. Жизнь остается жизнью. В ней остаются дети, деньги, усталость, конфликты, болезни, дороги, обязанности, страхи, ошибки. Меняется другое: перестаешь быть пленником каждого внутреннего движения. Начинаешь видеть, как ум создает драму. А она распадается, когда перестаешь ее «кормить».

Эта книга — две истории одного человека. Меня.

Первая история — длинная. Путь «как надо»: через на-

пряжение, контроль. Там, где даже победы не дают мне покоя.

Вторая — короткая, где я не стал сильнее, просто наконец перестал воевать.

Я буду рассказывать все как было: с ошибками, некрасивыми деталями, с теми моментами, которые обычно прячут. Но по-взрослому — без жалоб и оправданий. А иногда буду останавливаться и говорить не о событиях, а о том, что увидел внутри них.

И это — 40% книги. Порой они будут уместаться на одной странице, но она будет самой важной в главе.

Начни читать. Особенно если уже чувствуешь внутри хоть малейший отклик. Не восторг или «вау!», а тихое узнавание. Оно — знак, что та самая трещина в стекле где-то рядом.

Я не знаю твоей истории. Но знаю, что лабиринт для всех разный по декорациям, но одинаковый по устройству.

И самое страшное в этом лабиринте не боль, а осознание, что провел здесь всю жизнь, не заметив, что все это время был свободен.

Если ты чувствуешь, что живешь не свою жизнь, если внутри шум, который не замолкает, — эта книга про тебя. Давай прогуляемся по лабиринту вместе. Надо начать, а там посмотрим, куда придем.

Для меня все началось... с запаха клея. Он стал символом одного периода.

А еще — с чувства, что я стараюсь изо всех сил, но будто

не могу пробить невидимую стену.

Были и «перила» — не какая-то сенсация, а граница, где мой ум перестал шутить. После уже невозможно было делать вид, что «все нормально». Но мне нужно было дойти до края, чтобы увидеть: края нет.

Начни читать — и поймешь, что ты и есть то, что искал.

Пролог

Утро началось с того, что я открыл глаза раньше, чем сработал будильник. В комнате было еще по-ночному темно, телефон привычно лежал на тумбочке экраном вниз, а за окном стояла такая плотная тишина, будто Бали еще даже не думал просыпаться.

Я просто лежал и смотрел в потолок, и в эти минуты меня всегда накрывало одной и той же мыслью: «Вроде бы все делаешь правильно, идешь туда, куда надо, но откуда тогда внутри это ощущение напряжения?»

Днем это чувство куда-то уходило, растворялось в потоке дел. Постоянные звонки, бесконечные встречи, сообщения, которые сыпались одно за другим. Люди, которым я был за чем-то нужен, планы, которые горели сроками. Я жил на высокой скорости, быстрее многих, и иногда мне казалось, что именно в этом и есть спасение: если разогнаться еще сильнее, то станет легче; если добиться очередной высоты, то под ногами наконец-то появится твердая опора; если доказать себе и другим в сотый раз, то сомнения отступят навсегда.

Но время шло, и каждое новое достижение оборачивалось

лишь короткой передышкой. А потом, в какой-то момент, все возвращалось — едва уловимое, но липкое чувство, что я нахожусь не в центре собственного мира, а где-то на его задворках. Как будто идешь по бесконечному больничному коридору: вокруг полно дверей, на каждой — табличка, везде люди, шум, жизнь, а выхода все нет и нет.

Иногда я останавливался. Ненадолго. И в этом перерыве становилось слышно то, что днем тонуло в шуме, — страх. Неконкретный. Нерациональный. Страх прожить все это и так и не почувствовать, что был по-настоящему живым.

Я, конечно, не называл это кризисом. Слово слишком громкое, слишком пугающее, слишком похожее на признание в собственной слабости. Поэтому предпочитал другие формулировки: обычная усталость, накопившееся переутомление, выгорание, просто очередной сложный этап, который надо пережить.

Так спокойнее.

Так привычнее.

Но где-то там, в глубине, куда старался лишний раз не заглядывать, я отлично знал правду. Дело совсем не в графике, не в количестве встреч и не в плотности повестки дня. Дело во мне самом. В том, кем я становился, раз за разом пробегая этот бесконечный коридор.

Тогда я еще не понимал простой и какой-то обидной вещи: что искать выход наружу — значит продолжать блуждать по кругу. Что можно перебрать все двери, проверить каждый

поворот, но так и не найти ничего, потому что настоящий лабиринт совсем не там, за стенами.

Он всегда был внутри. И кажется, всегда там и оставался.

ЧАСТЬ I. ЛАБИРИНТ

ГЛАВА 1

Запах клея

Есть периоды жизни, у которых есть запах. Стоит закрыть глаза — и я возвращаюсь туда не через картинку, не через мысль, а напрямую через нос. Густой, приторно-химический, как от обувного клея, только смешанный с кожей, влажным воздухом после тропического ливня и чем-то металлическим — наверное, от фурнитуры, которая лежала в картонных коробках.

Этот запах въедался в одежду так, что ее приходилось стирать по два раза. Въедался в волосы, и вечером, ложась на подушку, я все равно его чувствовал. А еще глубже — въелся в память. И хотя прошло уже много лет, он до сих пор иногда возвращается, и тогда тело вспоминает все быстрее, чем голова: напряжение в спине, влажность воздуха, свет, звуки и то состояние.

Мы тогда жили в Сануре.

Тихий район Бали, совсем не похожий на шумный Чангу с его вечными серферами и вечеринками или на туристическую суету Куты. Там по утрам было слышно, как дворник метет дорожку — ш-ш-ш, ш-ш-ш, размеренно и сонно. Как кто-то заводит первый скутер, чихает мотор, потом урчит и уезжает. Как сосед поливает растения из длинного зеленого шланга и вода оставляет на плитке темные мокрые дуги, которые быстро высыхают на солнце.

Иногда по улице медленно проходил продавец фруктов, толкая перед собой тележку, и тогда воздух на секунду смешивался с запахом манго и маракуйи. А издалека, из храма, доносились звуки молитв — негромкие, будто их специально приглушили, чтобы не нарушать утренний покой.

Жизнь текла спокойно. Очень спокойно.

Наша вилла была уютной и по-домашнему теплой, несмотря на небольшой размер и всю свою тропическую легкость. Две отдельные спальни, гостиная с раздвижными панорамными дверями, которые вели в маленький внутренний дворик. Там поместился компактный бассейн — такой, чтобы просто окунуться и остыть, и два лежака, на которых я иногда отдыхал вечером, слушая аудиокниги. Легкие шторы в гостиной колыхались от малейшего дуновения вентилятора, и свет в комнате всегда был мягкий, почти золотистый, — особенно перед закатом, когда солнце опускалось низко и его блики ложились на поверхность воды в бассейне, делая ее похожей на незастывшее стекло.

Снаружи была идеальная картинка. Молодая семья. Ба-ли. Вечное лето. Теплый воздух, который приятно касается кожи. Свобода от офисов и будильников. Свое дело, свой бренд, который мы строили с нуля. Все так, как представляется, когда мечтаешь о красивой жизни.

А внутри меня жило напряжение, которое я тогда еще не умел правильно назвать. Это не была паника, кризис или тревога в привычном смысле. Скорее, постоянное тихое сжатие.

Как будто все время, каждую минуту бодрствования ты слегка втягиваешь живот — не потому, что надо, просто тело забыло, как расслабляться по-настоящему.

Моим офисом был угол в цехе. Не специально спроектированное пространство, лишь место, которое нашлось: стол, ноутбук, пластиковый стул, который быстро начинал надоедать спине. В углу стоял старый вентилятор с мелко дрожащей решеткой — лопасти крутились, и каждый оборот сопровождался легким металлическим дребезжанием, будто где-то внутри давно открутилась какая-то важная гайка. Иногда вибрация усиливалась, и тогда приходилось вставать и поправлять его ногой, чтобы успокоился.

Воздух он не охлаждал, нет. Он просто перемешивал запахи в помещении: аромат свежей кожи, въедливый обувной клей, тканевую пыль от раскройки, чей-то пот, накопившийся за день. Иногда клей становился таким густым, что хотелось выбежать наружу, просто чтобы вдохнуть — любой воздух, даже раскаленный, лишь бы без этой химической сладости.

Я сидел там часами. Открывал Excel, проверял таблицы, сводил остатки фурнитуры. На столе передо мной лежали карабины — холодные, блестящие, еще в заводской смазке, магнитные замки, которые приятно щелкали, если закрыть их на пробу, металлические рамки для ремней. Я брал их и расфасовывал по маленьким прозрачным пакетикам, подпи-

сывал маркером и снова считал: 10 комплектов для коллекции Dreambox, 35 — для Love Spring, проверить, перепроверить, не ошибиться.

Я делал это медленно. Сосредоточенно. Иногда даже слишком, наверное. Любил порядок, потому что он давал иллюзию контроля. Когда вокруг столько всего, что мне не поддается, можно хотя бы разложить по пакетикам карабины.

Иногда я поднимал голову от экрана и смотрел в цех. Мастера сидели за машинками, шили сумки. Строчка ложилась ровно, нить натягивалась, кожа под лапкой проминалась и блестела на сгибах. В такие моменты запах клея густел — видимо, кто-то только что нанес новый слой. Одни девушки смеялись, говорили что-то по-индонезийски, а другие подхватывали. Третьи включали музыку прямо на телефоне, негромко, чтобы не мешать, но было слышно.

Я сидел и смотрел на эту жизнь, которая текла параллельно, и думал: «Я же строю систему. Я делаю все правильно. Я стараюсь изо всех сил». И все равно внутри не отпускало чувство, что не хватает чего-то главного. И дело не в деньгах, не в клиентах. Дело в чем-то другом. Более глубоком. Таким, до чего не добраться ни с учетом, ни с контролем, ни с идеально расфасованными пакетиками с фурнитурой.

Утро на Бали

Мои дни начинались рано. На Бали рассвет приходит мяг-

ко, будто нехотя: сначала проступают очертания пальм, и только потом, где-то за их кронами, появляется солнце — теплое, еще не жгучее. Воздух пахнет землей и прелыми листьями, потому что ночью почти всегда идет дождь. К утру он уже заканчивается, но с пальм все еще падают крупные капли, которые глухо шлепаются в траву, на плитку, в воду бассейна, и эти звуки кажутся частью утренней тишины, а не нарушением ее.

Я старался вставать бесшумно. Открывал дверь спальни медленно, чтобы ручка не щелкнула, и на цыпочках проходил мимо детской. Но всегда останавливался и заглядывал внутрь. Сын спал, раскинув руки в стороны, как будто сдаётся этому миру или хочет его обнять, — ладони раскрыты, ноги раскинуты, дыхание ровное и легкое. Иногда он тихо сопел, переворачиваясь на бок, даже не просыпаясь, — просто менял позу во сне. Это было, наверное, самое чистое ощущение за весь день. Когда он еще не проснулся и не начал требовать внимания. Он просто есть. И я просто есть рядом.

Потом я шел на кухню.

Варил кофе в турке, хотя на Бали больше принят растворимый с молоком, но я любил этот ритуал: молотый кофе, вода, огонь, шапка пенки. Доставал из холодильника сочное спелое манго. Чистить плоды меня научили местные — не ножом, а стаканом. Разрезаешь плод вдоль пополам, берешь стеклянный стакан, подносишь кромкой к краю половинки и ведешь вниз. Мякоть отделяется идеально и падает внутрь

стакана тяжелым оранжевым куском, а шкурка остается в руке. В этом было что-то почти магическое: как просто можно отделить главное от второстепенного, если знать правильный инструмент.

Иногда сок стекал по пальцам, и я облизывал их, как ребенок. Затем садился за стол на веранде, пил кофе, смотрел во двор. Лежаки у бассейна еще блестели от влаги, вода в нем стояла неподвижно, гладкая, как зеркало. Где-то вдалеке уже начинал урчать первый скутер, но здесь, в нашем дворе, было тихо и безмятежно.

В эти минуты казалось, что все по-настоящему спокойно. Что жизнь уже случилась. Что я в ней есть и этого достаточно.

А потом просыпался телефон. И начиналась гонка.

Гили[1]

Это случилось обычным вечером. Мы сидели на веранде, уже стемнело, только свет из гостиной падал на плитки дворика и бассейн, который подсвечивался изнутри мягким голубым. Она смотрела куда-то в темноту, а потом повернулась и сказала спокойно:

— Слушай... а давай на выходные съездим на Гили. Вдвоем. Ну или втроем, возьмем сына. Просто отдохнем.

Гили — это острова. Белый песок, прозрачная вода, лодки без моторов, там вообще нет транспорта. Люди ходят босиком, ездят на велосипедах, и время там течет иначе, будто

его кто-то специально замедляет для туристов.

Я не думал ни секунды. Я начал считать.

Паром туда-обратно — столько-то. Отель — даже самый простой, но на выходные — столько-то. Еда, вода, кофе — столько-то. Няня, если поедем вдвоем, — столько-то. В голове цифры складывались быстрее, чем я успевал их осознать. Быстрее, чем появилась хоть одна эмоция.

Я сказал:

— Сейчас не время.

Она посмотрела на меня тем взглядом, который я уже видел раньше, но, кажется, не придавал ему значения.

— Не время жить?

Я почувствовал, как внутри поднимается раздражение. Глухое, тягучее. Она не понимает. Она просто не понимает, сколько всего на мне висит.

— Это не про жить. Это про стратегию.

— Мы все время живем в стратегии, — ответила она тихо. И, вздохнув, добавила: — Я устала быть проектом.

Я начал объяснять. Про закупку карабинов, которая должна быть на следующей неделе. Про курс доллара, который скакнул. Про рекламный бюджет, что и так уже распилен до копейки. Про то, что, если мы потратим деньги на поездку, мне просто не хватит на следующую партию фурнитуры, и тогда встанет производство, и тогда я подведу клиентов, и тогда...

Она слушала.

Молча.

Потом сказала — тихо, но так, что я сразу замолк:

— С тобой невозможно расслабиться. Ты все время воюешь.

Это ударило сильнее, чем любая цифра. Сильнее, чем курс доллара и все карабины мира.

— Потому что, если я не буду воевать, мы останемся без денег, — ответил я резко. Слишком резко.

Мы замолчали.

Где-то вдалеке лаяла собака. Жена смотрела в темноту и молчала.

А я сидел и понимал, что говорю так из страха. Из того самого страха, который сидел во мне годами. Что, если остановиться, если расслабиться, если перестать контролировать, все рухнет. И этот страх я называл ответственностью. Я правда думал, что это одно и то же.

День рождения

Эта сцена до сих пор стоит перед глазами — не как воспоминание, а как картинка, которую однажды увидел и уже не можешь забыть. День рождения старшего сына. Ему исполнилось, кажется, шесть. Или семь.

Во двор въехала машина, из нее вышел мой друг — крестный именинника. Он нес в руках большую коробкой Lego, улыбающийся, загорелый. В нем все уже было по-другому. Не так, как год назад, когда он только приехал на Бали и ка-

кое-то время жил у меня. Он начал заниматься недвижимостью, и его дела быстро пошли в гору. В его теле было больше движения, больше уверенности в том, как он смотрит, как идет, как поздравляет Семена с днем рождения и как ставит эту коробку на стол.

Мы сидели во дворе. Вечер был теплый, влажный, но не душный — такой, когда хочется сидеть долго и никуда не спешить. На столе стояли фрукты, сок, какие-то тарелки с нарезкой. Дети носились вокруг бассейна, их босые ноги шлепали по мокрой плитке, и эти звуки смешивались с плеском воды и смехом.

В этот день мой друг захлеб рассказывал о своих проектах, планах, виллах, которые хотел строить, про масштабирование, про новых партнеров. Говорил легко, без усилий. Как будто мир действительно откликнулся на него, как будто ему не надо было ничего доказывать, ничего контролировать, ничего бояться.

Я слушал.

И чувствовал, как внутри появляется тяжесть. Не зависть, нет. Не злость, боже упаси. Другое. Сжатие. Такое знакомое, привычное сжатие, с которым я жил последние годы. Как будто меня все время держала какая-то невидимая резинка, натянутая вокруг грудной клетки, не давая разогнуться, вдохнуть полной грудью, разогнаться.

Я улыбался. Кивал. Поддерживал разговор, шутил, спрашивал что-то про партнеров и масштабирование. Внешне

все было хорошо.

А внутри, пока он говорил, звучало: «Почему у него движение, а у меня — усилие? Почему у него поток, а у меня — контроль?»

Он просто живет и не знает, что такое страх нехватки и что такое завтра без денег. Он просто строит свои планы и верит, что мир — это место, где все получается.

А я сижу напротив, в этом теплом вечере, среди фруктов и детского смеха, и чувствую, как внутри меня что-то не пускает. Что-то, что я сам в себе вырастил.

Это было очень тонкое чувство. Почти неуловимое. И очень, очень неприятное.

Потолок

Я ставил цели. Одну за другой. Переписывал планы, когда старые переставали работать. Менял подрядчиков — этих на тех, тех на следующих. Усиливал рекламу, вливал деньги в каналы, которые, как мне казалось, должны были выстрелить. Экономил на всем, где только можно, — не потому что не было денег; в моей голове была иллюзия, что завтра они могут понадобиться больше, чем сегодня.

И сравнивал. Постоянно сравнивал себя с теми, у кого «уже получилось». С теми, кто прошел этот путь быстрее. С теми, кто не делал ошибок, которые совершил я. С теми, кто явно знал какой-то секрет, до которого я еще не дорос.

И каждый раз, когда результат оказывался ниже ожиданий — а он почти всегда оказывался ниже, ведь ожидания были бесконечными, — внутри появлялась одна и та же мысль. Короткая. Жесткая. Как удар хлыста:

«Ты недостаточно стараешься».

Я не замечал тогда, что живу в режиме подготовки к жизни. Не самой жизнью, а вечным разбегом перед прыжком, который никак не случался.

Вот еще немного потерпеть. Вот сейчас дождем этот проект. Вот сейчас появятся правильные партнеры. Вот сейчас выстрелит эта коллекция, этот пост, эта идея. И тогда... и тогда я наконец выдохну. И тогда начну жить.

Я правда верил, что если стану еще дисциплинированнее, еще умнее, еще стратегичнее, еще эффективнее, то однажды пробью этот стеклянный потолок, о котором все говорят. Он ведь существует где-то снаружи, надо только набрать достаточную скорость.

Но чем сильнее я разгонялся, тем плотнее становились стены.

Иногда вечером, когда внутри становилось совсем невыносимо от этой бесконечной гонки, я уходил к океану. Санур в этом смысле — особенное место. Там нет героических волн, как на юге, нет серферов, которые борются со стихией. Вода стоит почти неподвижно, только легкая рябь проходит по поверхности, когда ветер меняет направление. Горизонт — ровный, четкий, будто по линейке проведенный. А свет

заката такой мягкий, что глаза не режет, даже если смотреть прямо на солнце.

Я сиделся прямо на песок. Смотрел, как лодки местных рыбаков медленно покачиваются на воде, привязанные к деревянным столбикам. Вода была теплой даже ночью.

Я сидел и пытался почувствовать, что все нормально. Просто дышать. Просто быть.

Но внутри, даже здесь, даже в этой почти медитативной тишине, звучал голос. Знакомый, въедливый, неутомимый:

«Ты отстаешь. Ты не там, где должен быть. Ты должен сделать больше. Бежать быстрее. Прыгать выше. Поднажать. Еще немного».

Я не видел тогда простой вещи — что бегаю по первому кругу лабиринта, самому коварному. Кругу, который называется «Докажи».

Докажи, что достоин этого места, этой семьи, этого бизнеса. Докажи, что не слабый, не трус, не неудачник. Докажи, что ты настоящий мужчина. Докажи, что предприниматель, а не просто человек, которому повезло.

Я ускорялся снова и снова, вкладывал все больше сил в этот забег. И совершенно не замечал, что стены, о которые я раз за разом расшибаюсь, строю сам. Не обстоятельства, конкуренты или кризисы. Я сам. Своими руками. Из своего страха. Из своей неуверенности. Из этого бесконечного «докажи».

Запах клея въелся в память. Он стал для меня симво-

лом. Только не бизнеса, нет. Бизнес тут был просто декорацией. Он стал символом состояния человека, который строит безопасность, потому что внутри живет страх. Который перепутал усилие с движением — и теперь гоняет по кругу, думая, что приближается к финишу. Который боится остановиться сильнее, чем прогореть. Потому что знает: если остановится, если выключит этот вечный мотор суеты и отчетов, наступит тишина.

А из тишины всегда поднимается один вопрос. Простой. Страшный. Неизбежный:

«Это вообще твоя жизнь?»

Я тогда еще не понимал, что мой лабиринт не в цехе, переговорах, курсе доллара и не в планах на масштабирование. Он всегда был внутри. И я строил его сам, день за днем, год за годом. Из страха, из привычки доказывать, из неумения расслабиться, из этой проклятой резинки, которая сжимала грудную клетку.

Я строил стены, потом бился о них, потом строил новые — покрепче. И этот механизм работал без остановки. Включался автоматически, стоило только проснуться. И выключался, кажется, только в те редкие минуты, когда я сидел у океана и смотрел на неподвижную воду.

ГЛАВА 2

Контроль

Помню, что пандемия пришла не как шокирующая но-

вость. Она вообще не врывалась в дверь с криком — скорее, просочилась в щели, как перемена воздуха. Сначала едва уловимо: просто мир вокруг стал чуть плотнее, что ли. Будто этот остров, который всегда жил на свободном дыхании, вдруг сделал глубокий вдох — и замер, не решаясь выдохнуть.

Я просыпался на Бали, и вокруг все было по-прежнему. За окном — влажная листва после тропического ливня, где-то вдалеке урчит скутер, а солнце встает такое же безмятежное, словно человеческие тревоги его совершенно не касаются. В гостиной привычно пахло кофе и деревом, еще не просохшим после ночи. Легкий ветер чуть шевелил шторы, а вода в бассейне лежала неподвижным зеркалом, в котором отражалось небо.

Но что-то уже изменилось. Во мне самом.

Тогда я еще не знал этого слова — «пандемия» — по-настоящему, не понимал, каким тяжелым оно станет. Я просто кожей чувствовал, как в нашу привычную жизнь заходит страх. Он бродил рядом, ощупывал пространство, искал, во что ему воплотиться. И надо сказать, форма нашлась очень быстро.

Я открывал ленту в Facebook[2] — и будто проваливался в другую реальность. Там не было ни пальм, ни моря, ни привычного запаха влажной земли после дождя. Там были только лица, заголовки, бесконечные видео и бешеная, почти паническая реакция людей, которые отчаянно пытались

удержать привычный ход вещей.

Я читал, листал, обновлял страницу снова и снова. Проходил час, другой, третий. Помню, как сидел на диване и экран ноутбука отражался в стеклянных дверях, ведущих к бассейну. За ними была настоящая тропическая ночь — стрекотали цикады, воздух стоял теплый и плотный. А в отражении, поверх этой ночи, мое лицо, подсвеченное холодным голубоватым светом.

Физически я находился на острове. Но мыслями — где-то там, между экранами, чужими страхами и этими бесконечными попытками угадать, «что же теперь будет».

И знаешь, что самое странное? В такие моменты пугает даже не сам страх. *Страшнее иллюзия, что если смотреть на что-то достаточно долго и внимательно, то сможешь этим управлять.* Как в детстве: кажется, что если не отводить взгляд, то беда обойдет стороной.

Вот я и смотрел. Только чем дольше вглядывался в экран, тем острее чувствовал, что перестаю жить собственной жизнью.

Иллюзия безопасности

В один из вечеров я поймал себя на том, что уже не просто читаю новости, а словно ищу опору. Собираю безопасность по кусочкам, сам не понимая зачем.

На следующий день я поехал в магазин. Там было почти пусто, кондиционер гудел громче обычного, люди двигались

быстрее и старались не встречаться глазами. В воздухе чувствовался запах пластика и какой-то стерильности.

Я купил санитайзеры. Сначала один, потом еще, потом снова. Флаконы были прохладными на ощупь, прозрачная жидкость переливалась внутри, а на наклейках были цифры и обещание почти полной защиты. Я брал их не как обычный товар, а как что-то более важное. Как будто запасался тем, что может понадобиться в любой момент.

Когда вернулся домой, разложил все на столе, а потом пошел в ванную. Поставил первый флакон на полку, второй, третий, четвертый, как патроны. И сам не заметил, как начал выстраивать их в линию — ровно и аккуратно. Я двигал их, подравнивал, проверял, чтобы между ними не оставалось зазоров, следил за симметрией. В этот момент был сосредоточен так, будто от этого действительно что-то зависело.

И вот в руке оказался очередной флакон. Я поднял глаза и увидел в зеркале над раковиной всю эту картину: ровный ряд, белую плитку и себя между ними. Лицо напряженное, челюсть сжата, взгляд слишком пристальный. Ванная была ярко освещена, и отражение казалось каким-то чужим.

Я стоял и смотрел на себя. И в этот момент внутри что-то щелкнуло. Негромко, но отчетливо — будто вдруг наступила тишина, в которой я слышал собственное дыхание. Пауза затянулась, и в ней откуда-то изнутри прозвучало: «Колян, ты что творишь?»

Я не ответил, потому что ответ уже был понятен. Это не

забота, а паника. Я не защищал семью — я пытался создать видимость того, что могу что-то контролировать. И чем старательнее выстраивал эти флаконы, тем яснее видел: все это не про вирус. Я воевал со своей беспомощностью. И проигрывал.

На следующий день я сделал то, что и всегда, когда внутреннее состояние начинало раскачиваться. Поехал в тренажерный зал. У меня был привычный механизм: если мир распадается, надо собрать себя дисциплиной.

Обычно дорога до зала была оживленной: склады, кафе, скутеры, привычные крики «хало», запахи бензина и жареного риса. Но в те дни все стало иначе. Словно кто-то убавил громкость. Людей и машин на улицах стало меньше, а улыбок и вовсе почти не осталось. На перекрестках я ловил на себе взгляды, и в них читалось не обычное приветствие, а тревожный вопрос: «Ты тоже это чувствуешь?»

Воздух был таким же теплым, как всегда, но в нем появилась какая-то новая нота — осторожность. Я включил в машине аудиокнигу «Трансерфинг реальности», голос в наушниках говорил правильные вещи про линии жизни, про намерение, про выбор. Все звучало как инструкция, будто у хаоса действительно есть формула. Я сжал руль чуть крепче обычного, словно и правда мог удержать траекторию движения всего мира в своих руках.

В тренажерном зале пахло железом и прохладой от кондиционера. Там было непривычно пусто. Я тренировался не

ради формы — пытался выжечь тревогу. Будто это химическое вещество, которое можно выгнать из тела через пот.

Штанга показалась мне холоднее обычного. Я лег под нее, металл коснулся ладоней — сухой и прохладный. Сжал гриф и вдруг почувствовал, что внутри дрожит нечто более глубокое, чем мышцы: солнечное сплетение, дыхание, какая-то тонкая нервная нить. Сердце билось быстрее обычного не от веса, а от фона. Я сделал вдох, опустил штангу и понял. Я поднимаю не железо. Я выжимаю тревогу.

Под тяжестью веса я чувствовал, как напрягается спина, как кровь стучит в висках, как дыхание становится резким. Но в голове все равно крутились одни и те же вопросы. Сколько у нас денег? Что будет с продажами? Если все остановится, на что мы будем жить? Как долго продержимся? Это были вопросы не про смысл жизни. Это были вопросы про выживание.

После зала я поехал к океану. В Сануре были такие места, куда почти никто не ходил, — там не было ни красивых кафе, ни модных точек для фотографий, ни музыки. Под одним старым деревом оказалась небольшая ямка в песке, и она стала моей. Я садился туда так, чтобы меня не было видно с тропинки. Под ногами прохладный песок, листья над мной тихо шуршали.

Я закрывал глаза и начинал делать то, что тогда казалось мне зрелой практикой, — визуализацию. Представлял каналы энергии: один сверху — из неба в голову и дальше через

все тело, другой снизу — из земли вверх. Потом эти каналы превращались в сферу, и внутрь нее я помещал детей, семью. Представлял, как эта сфера летит в пространстве и всегда попадает туда, где нас ждет лучшее, где мы в безопасности, где все складывается.

Океан в те дни был почти неподвижным. Лодки стояли на воде, солнце медленно уходило в молочный горизонт. Мир выглядел спокойным. А я все еще пытался его удержать.

Пустой остров

Потом остров начал изолироваться. И именно тогда Бали впервые стал похож на сон. Пляжи пустыли, отели закрывались, а тропинки, где раньше всегда кто-то ходил, вдруг стали длинными и беззвучными. Это была не просто тишина — это было что-то неестественное.

Иногда мы проходили к пляжу через отель — у меня там работал знакомый охранник, и он открывал нам дверь. Как будто пускал туда, куда больше ни у кого нет доступа. Внутри пахло застоявшимся воздухом от кондиционера и пустотой. Лобби было идеально чистым, слишком чистым. Стойка ресепшена блестела, но за ней никого не было. Пальмы во дворе шумели, но в этом шуме слышалось нечто странное: не жизнь, а, скорее, ее послесловие.

Мы выходили на пляж. Там не было шумных детей, криков, продавцов, музыки. Только песок, море и пространство, которое почему-то давило. Это было красиво. И тревожно.

Как кадр из фильма, где мир уже закончился, но солнце все еще светит.

В те дни у нас с сыном Семой появилась игра. Он называл ее «Баржа».

Я ложился на воду спиной, разводил руки в стороны и старался расслабиться, будто засыпаю. Вода затекала в уши, и сразу пропадали все звуки — только глухой шум где-то глубоко внутри головы. Сема подхватывал меня под мышки, его маленькие пальцы впивались в кожу, он упирался пятками в песок и изо всех сил начинал тащить меня к берегу. Пыхтел, кричал, смеялся, иногда останавливался перевести дух и кричал: «Папа, ну ты вообще тяжелый!» А я отвечал: «Так я же баржа, Сема. Баржи всегда тяжелые».

Он тащил, а я смотрел в небо. Оно было таким чистым, каким бывает только в тропиках в сухой сезон, — ни облачка, одна сплошная синева, уходящая куда-то в бесконечность. И ни единого намека на то, что творилось в мире. Самолеты не летали, инверсионных следов не оставалось — небо словно замерло вместе с нами.

И в какой-то момент я начал делать еще одну визуализацию. Лежа на воде, пока сын пыхтел и тащил меня, я представлял, что сверху прямо на меня падают куски золота. Тяжелые слитки, россыпи бриллиантов, дорогие часы. Я не мечтал разбогатеть, но где-то глубоко внутри теплилась дурацкая надежда: вдруг Вселенная увидит это и поймет, что я уже не справляюсь. Что мне нужна помощь. Это была мо-

литва без единого слова — просто картинка в голове и тихая просьба, чтобы кто-то большой и сильный наконец вмешался.

И именно тогда, в этой странной выдубленной тишине, ко мне пришла мысль. Она не прозвучала как голос свыше — просто всплыла откуда-то изнутри, пока я сидел на веранде и смотрел, как ветер шевелит листья пальм: если мир закрывается, значит, надо искать другой уровень. Не дверь — двери захлопывались одна за другой. А уровень.

Я начал вглядываться в онлайн. Проводил вечера за ноутбуком, листал форумы, вчитывался в посты людей, которые говорили на непонятном мне тогда языке. Смотрел, где сейчас растет внимание, куда утекает энергия, которая раньше уходила в переполненные кафе и шумные вечеринки. И чем больше смотрел, тем отчетливее видел: крипто, токены, какие-то новые активы, о которых я еще полгода назад не хотел слышать.

Это выглядело как трещина в стене. Сначала тоненькая, почти незаметная, но если приглядеться, через нее действительно пробивался свет.

Шаг

В тот вечер мы сидели у Алекса. В его гостиной всегда было много воздуха: высокие потолки, панорамные окна, за ними зеленый сад, и обычно это пространство раздвигало грудь, давало ощущение свободы. А в тот вечер оно давало

ощущение эха. Слишком много пустоты повисло между словами.

На столе стояла вода, недопитый кофе уже покрылся пенкой, валялись какие-то бумаги с цифрами. Алекс говорил медленно, без эмоций, почти сухо, будто зачитывал сводки. Туристов нет, посуточная аренда встала, надо все переводить в помесечную, людей придется сокращать. Он не жаловался — он просто считал, прикидывал, сколько еще продержится.

Я смотрел на него и видел то же, что чувствовал в себе: мир, который еще недавно казался надежным, вдруг перестал что-либо гарантировать. В комнате стояла тишина, даже кондиционер работал как-то осторожно, будто боялся что-то нарушить. За стеклом шевелились листья, а внутри нас сидело напряжение, которое нельзя назвать паникой. Что-то более взрослое, холодное, почти математическое.

Мы говорили не о мечтах. Мы говорили о выживании: сколько месяцев продержимся, что резать, какие расходы остановить, какие обязательства еще можно удержать. В какой-то момент разговор просто повис — не закончился, а именно повис в воздухе, как застоявшийся кондиционированный воздух.

Я опустил взгляд в телефон, просто чтобы не смотреть в пустоту. И в этот момент пришло сообщение. От человека, с которым я раньше никогда не общался. Иван. Без долгих вступлений, без разогрева, просто короткий текст: «Привет. Запустили проект с растущим токеном. Думаю, тебе будет

интересно. Если хочешь, расскажу».

Ни давления, ни продажи, ни пафоса. Обычная спокойная уверенность. Я перечитал сообщение два раза. И вдруг поймал странное ощущение. Не возбуждение, не азарт, а расширение — будто в груди стало больше места, будто кто-то приоткрыл окно в комнате, где давно было душно.

Я поднял глаза. Алекс все еще что-то говорил про расходы и сокращения. Но я уже слышал не только его. Я слышал возможность. И это было первое настоящее движение внутри за последние недели.

Я не стал брать паузу на подумать. Честно говоря, я и так слишком долго торчал в этом режиме ожидания, когда сидишь и смотришь, как жизнь проходит мимо. Просто открыл сайт, который прислал Иван.

Поля регистрации выглядели до смешного просто — имя, почта, пароль. Почти скучно, как в какой-нибудь старой интернет-рассылке. А потом дошло до ника. Нужно было придумать логин. И тут я завис. Даже пальцы над клавиатурой замерли.

Странное дело, но я вдруг понял: это же не просто имя для сайта. Это ж намерение. Типа как назовешь корабль, так он и поплывет. Я не стал мудрить и долго думать — написал просто: win1. Победитель. Только не рынка, проекта или других людей, а себя. Той своей части, которая еще недавно выстраивала санитайзеры ровными рядами, как боеприпасы, и называла это стратегией. Которая боялась остановиться боль-

ше, чем загнать себя в бессмысленную гонку.

Долго не раздумывая, я нажал «зарегистрироваться». Экран загрузился, пошла какая-то стандартная анимация. Ни музыки, ни вспышек, ни фейерверков — ничего особенного не произошло. Но внутри вдруг екнуло: «Я сделал шаг!» И тогда мне казалось, что это шаг прямо в новую жизнь. Что я наконец-то нащупал ту самую дверь, которую искал. И вот сейчас, сию минуту, все начнется по-настоящему.

ГЛАВА 3

Шесть нулей

Я проснулся в доме, который уже не помещался в мою прошлую жизнь.

Шестьсот пятьдесят квадратных метров. Один этаж, раскинувшийся по участку так свободно, будто пространству здесь никогда не было тесно. Пятнадцать соток земли, ухоженной, зеленой, с пальмами, которые кто-то сажал много лет назад, задолго до нас. И все это — наше.

Солнце заливало всю спальню. Огромные окна — от пола до потолка — выходили в сад, и первым, что открывалось взгляду утром, была не стена и занавеска, а зелень, вода бассейна и небо.

Потолки здесь были настолько высокими, что звуки терялись где-то наверху. Шаги, дыхание, даже голос — все растворялось, не возвращаясь эхом. Кондиционер работал почти бесшумно, только легкое движение воздуха напоминало,

что он есть. Простыни на кровати — плотные, тяжелые, гостиничные — приятно холодили кожу.

За стеклом — бассейн с бирюзовой водой, газон, подстриженный до состояния ковра, пальмы, аккуратные кусты, ни одного сорняка. Пространство не давило, оно распаивалось. И вместе с этим появлялась странная, почти неуловимая неустойчивость. Слишком много воздуха. Слишком много тишины. Слишком много места для одного человека.

Я сел на край кровати.

Пол был холодным. Я почувствовал его ступнями — гладкий, полированный камень, который утром всегда чуть холоднее, чем вечером. Рядом тихо спала жена. Все выглядело... правильно. Даже слишком умиротворенно для человека, который привык к гонке.

Телефон лежал на тумбочке экраном вниз. Старая привычка.

Внутри не было особого ожидания. За последние месяцы деньги приходили быстро, иногда слишком быстро, но как-то поступательно, без резких скачков, без ощущения чуда. Пять тысяч, двенадцать, тридцать, семьдесят... Цифры росли, и я уже перестал удивляться. Это просто работало, приносило плоды то, что посеял не так давно.

Я взял телефон, нажал на приложение, где недавно зарегистрировался, даже не задумываясь. Экран загорелся, цифры всплыли перед глазами.

И я не понял.

Буквально. Мозг будто отказался соединять символы в сумму. Я смотрел на цифры, видел их по отдельности, но вместе они не складывались. Закрыв приложение. Открыл снова. Посчитал. Раз, два, три, четыре, пять, шесть нулей.

Шесть.

Я почувствовал, как тело на секунду стало тяжелым. Не от адреналина — адреналина не было. Не от восторга — восторг пришел бы позже, если б вообще пришел. Это было другое. Ощущение плотности. Как будто грудная клетка вдруг расширилась и вдох остался внутри, не находя выхода. Сердце не ускорилося. Оно стало медленным. Глубоким. Каждый удар отдавался где-то в висках, в кончиках пальцев, в ступнях, которые все еще чувствовали холодный пол.

Я медленно произнес сумму шепотом.

Прозвучало странно. Будто не про меня. Будто я читал чужой счет, чужие деньги, чужую жизнь. Но телефон был мой. Приложение мое. Цифры мои.

Сердце стукнуло еще раз. Медленно. Глубоко. И внутри, без слов, без мыслей, просто ощущением, пришло:

«Это по-настоящему».

А потом я вспомнил. Три месяца назад, когда я заходил в этот проект, у меня была одна мысль. Очень простая. Я думал: «Ну, если заработаю 15 тысяч долларов, уже будет хорошо. Просто выдохнуть и пережить этот период. Просто почувствовать, что не зря».

Я не заходил в тот проект за миллионом. Миллион даже

не был в зоне видимости — не целью, мечтой или ориентиром. Просто семена, которые я три месяца назад посеял почти невзначай, проросли быстрее, чем я успел оглянуться. В отличие от бизнеса, который выстраивал годами — с упорством, с надрывом, через «не могу», — здесь все случилось само. Без усилия. Без борьбы. Миллион пришел. Сам.

Я вернулся в спальню и сел на край кровати. Телефон все еще был в руке, семь цифр горели на экране, будто проверяя меня на прочность. Я провел пальцем вниз, обновил приложение — ноль, ноль, три, семь, три, пять... Снова те же. Снова семь.

Я посмотрел на жену. Она спала спокойно, даже не пошевелилась за те несколько минут, что я отсутствовал. Все то же ровное дыхание, волосы так же рассыпаны по подушке, и весь этот утренний свет падал на нее так же мягко, как всегда. Мир вокруг продолжал выглядеть обычным, будто ничего не произошло. Будто внутри меня только что не обрушилась и не собралась заново какая-то важная опора.

Я протянул руку и аккуратно коснулся ее плеча:
— Проснись.

Она приоткрыла глаза, еще не понимая, где заканчивается сон и начинается реальность.

— Что?

Я ничего не стал объяснять. Просто повернул к ней экран. Сначала она не поняла. Прищурилась, глядя на цифры, пытаясь разглядеть их сквозь остатки сна. Села на кровати,

подобрав под себя ноги. Смотрела дольше, чем я ожидал, и я видел, как ее лицо меняется медленно, почти кадрами: сначала — просто концентрация, потом — легкое недоверие, а затем — глаза начали расширяться, стоило ей впустить в себя эту новость.

— Это... это что? — Голос тихий, будто боится спугнуть.

Я почувствовал, как внутри поднимается горячая волна, — не гордость, нет, что-то другое, теплое и освобождающее.

— Посмотри внимательно.

Она снова взглянула на экран, провела пальцем по цифрам, считая разряды. И вдруг закрыла рот ладонью, как делают люди, когда не могут сдержать эмоцию, но еще пытаются ее утаить внутри.

— Подожди... Это правда?

Я кивнул. И слова сами вылетели, даже не думал, просто сказал:

— Мы миллионеры.

Секунда тишины. А потом мы одновременно рассмеялись — громко, почти по-детски, во весь голос, как смеются, когда с плеч падает груз, которого даже не замечал, пока он не исчез.

Она резко подалась вперед и прыгнула на меня, обхватив шею руками, и я инстинктивно подхватил ее, поднял, и мы закружились прямо посреди этой огромной спальни, смеясь и не веря, что это происходит с нами.

— Ты серьезно?! — Она почти кричала, но в этом кри-

ке было столько радости, что хотелось, чтобы он длился вечно.

— Я сам не верю! — отвечал я, и это была чистая правда.

Она обняла меня крепко-крепко, а потом поцеловала. Очень нежно, очень по-настоящему. И в этом поцелуе не было ничего про деньги. Только про облегчение. Про то, что мы выжили. Про то, что все было не зря. Про то, что можно наконец выдохнуть.

Мы плюхнулись обратно на кровать, все еще смеясь, и она уткнулась мне в грудь, пряча лицо, а я смотрел в потолок и чувствовал, как сердце колотится быстро и сильно. Адреналин наконец-то догнал. И я чувствовал себя легким. Невесомым. Как будто с плеч сняли огромный рюкзак, который я носил так долго, что успел забыть, каково это — идти без него.

Мы шутили, придумывали, что теперь будем делать, перебывали друг друга, смеялись над тем, как еще недавно считали каждую копейку, как переживали из-за закупок и курса доллара. И в какой-то момент, когда смех чуть стихал, я ловил себя на мысли, которая звучала где-то внутри, тихо, но отчетливо:

«Сейчас начинается новая версия нас».

Я тогда еще не понимал, насколько новая. Насколько другая. И что деньги — это только начало.

Масштаб

Я встал и вышел в холл. Он был огромным. Настолько, что первым движением было просто замереть и осмотреться. Потолки уходили вверх метров на восемь, и я машинально поднял голову, будто проверяя, не обманывают ли глаза. В центре стоял диван — такой большой, что на нем можно лечь поперек и не касаться краев. Пространство здесь не требовало мебели, оно просило масштаба. И масштаб был.

Мои шаги отзывались иначе. Не так, как в старом доме, где каждый звук слышен соседям, где стены помнят каждое движение. Здесь звук уходил куда-то вверх, в эту восьмиметровую высоту, и терялся там, растворялся, не возвращаясь эхом.

Справа — стеклянные раздвижные двери к бассейну. Слева — огромная кухня с островом, за которым могло поместиться человек десять. В глубине — коридор, уходящий в спальную зону, где мы только что смеялись и кружились. А отдельный гостевой дом стоял чуть поодаль, почти как маленькая вилла внутри большой.

Но главным был офис.

Квадратный, полностью стеклянный. Четыре стены — стекло. Когда я сидел за стол, я видел все: как дети бегают по газону, как собака носится по двору, как садовник поливает растения, как ветер перебирает листья на пальмах. Я видел жизнь, не выходя из «рабочей коробки». И это было именно то, о чем я всегда мечтал, — пространство, в котором ты не изолирован от мира, а остаешься его частью, даже

когда работаешь.

Я прошелся по дому медленно, без цели, просто впитывая. И заметил, как плечи расправились сами. Я не принимал этого решения, не говорил себе «выпрямись» — тело просто перестроилось. Шаг стал чуть шире, спина чуть прямее, дыхание глубже. Организм осваивал новую территорию быстрее, чем сознание успевало ее осмыслить.

Я остановился посреди холла и замер.

Попытался мысленно соединить две реальности. Запах обувного клея, который годами въедался в кожу, — и запах свежескошенной травы за стеклянной стеной. Санитайзеры, которые мы ставили в ванной рядками, как патроны в обойме, — и семь цифр на экране телефона. Ту самую резинку, которая сжимала грудную клетку все эти годы, — и это новое, почти забытое чувство свободы в груди.

И я понял, что это не просто радость, эйфория, гордость, удовлетворение сделанным. Это было другое. Ощущение признания.

Как будто мир, который все это время молча наблюдал за моей гонкой, за моими страхами, за этим бесконечным «докажи», наконец повернулся и сказал коротко, но весомо:

— Теперь ты можешь.

Mercedes

Это случилось обычным утром. Я проснулся, и в голове возникла мысль, которая раньше просто не имела права там

появляться: «А почему бы не заехать в салон Mercedes?»

Раньше я проезжал мимо этого места десятки раз. Стекло-
лянный фасад, ровные ряды машин, флаги у входа — и все-
гда внутри срабатывал тихий, почти незаметный ограничи-
тель. Невидимая табличка: «Вход только для своих. Для тех,
у кого получилось. Для других». Я даже не смотрел в сторо-
ну салона, просто скользил взглядом дальше, будто там ни-
чего и не было.

В тот день табличка исчезла.

Я припарковался на гостевой стоянке. Вышел из машины
и направился к входу. Стекло-
лянный фасад отражал солнце так
ярко, что на секунду пришлось прищуриться. Внутри — бе-
лый пол, идеальные линии машин, расставленных с ювелир-
ной точностью, ощущение стерильной, почти медицинской
дороговизны.

Когда менеджер подошел, я заметил, что смотрю ему пря-
мо в глаза. Спокойно. Не отводя взгляда. Без той внутренней
напряженки, которая раньше появлялась в дорогих местах.

— Хотите тест-драйв? — спросил он.

— Да.

Я сказал это ровно. Без восторга, без заискивания, без
этой дурацкой улыбки с «ой, а можно мне просто поси-
деть?». Просто «да».

Менеджер открыл машину. Я сел в AMG. Закрыв дверь.
И наступила тишина.

Такая плотная, что я слышал собственное дыхание.

Внешний мир отрезало — будто дверь захлопнулась не за мной, а за всем городом сразу. Я положил руки на руль, пальцы ощутили прохладную кожу, приятную, тяжелую. Провел ладонью по панели — дерево, металл, идеальные стыки.

И вдруг поймал себя на мысли, что сижу иначе. Спина прямая, подбородок чуть приподнят, плечи расправлены. Я не сутулился, не ерзал, не пытался вжаться в кресло, чтобы не испачкать. Просто сидел. Как человек, который выбирает.

Самое странное произошло потом. Я не купил эту машину. Проехал тест-драйв, поблагодарил менеджера и вышел. И в этом было что-то очень важное. Я понял, что могу. Могу просто взять и купить ее прямо сейчас, если захочу. Но не спешу. Не хватаю. Не доказываю ни себе, ни миру.

Перед выходом я зашел в магазин при салоне и купил черную кепку с надписью AMG. Просто сувенир. Просто жест самому себе.

Вернулся в свою машину, надел ее, посмотрел в зеркало заднего вида. И в этом взгляде было новое ощущение. Образ. Тот, в который я уже вошел.

По дороге домой я решил заехать в торговый центр. Просто так, без плана, без списка покупок, — позволил себе эту роскошь. Я вообще фанат очков, у меня всегда была небольшая коллекция, в какие-то времена доходило и до 20 пар. Эта любовь еще с юности, с тех пор, когда очки были не просто аксессуаром, а частью образа, которую выбираешь долго и с удовольствием.

Я зашел померить Ray-Ban, Calvin Klein, Armani — все, что попадалось на глаза. А потом заметил магазин Bose и решил заглянуть туда.

В магазине Bose было тихо. Там вообще все иначе — воздух плотнее, что ли, или просто звуки тонут в мягких поверхностях. Пахло дорогими тканями и чем-то неуловимо технологичным, как пахнет новая электроника, если ее смешать с кожей и деревом. Консультанты двигались медленно, плавно, будто боялись лишним движением нарушить эту идеальную тишину.

Я шел между стеллажами не торопясь и увидел их.

Черные очки. Аккуратные, сдержанные, без лишнего блеска. Стояли на отдельной подставке, подсвеченные мягким светом, как экспонаты.

Консультант подошел бесшумно, остановился на почти-тельном расстоянии, но достаточно близко, чтобы я услышал его голос:

— Это первые модели со встроенным аудио. Звук идет через дужки. Можете примерить.

Я взял их в руки. Легкие, но с ощутимой плотностью. Надел.

Консультант помог подключить через приложение, и в следующую секунду музыка заиграла прямо внутри головы. Чисто, объемно, невероятно. Как будто звук рождался где-то за глазами и мягко расходился по черепу. Без наушников, без проводов, без этого чувства, что уши чем-то забиты.

Я подошел к зеркалу и посмотрел на себя.

И в этом отражении было не просто «стильно» или «дорого». Было что-то другое. Ощущение, что я нахожусь немного впереди. Не в гонке или догонялках, а просто впереди. Там, где можно выбирать не из желания соответствовать, а потому что нравится.

Я купил эти очки.

Вышел из магазина, надел их сразу, не убирая в коробку. Шел по торговому центру, слушал музыку, которая играла только для меня, и ловил на себе взгляды. В моей походке появилось что-то новое. То, что не купишь за деньги, но что приходит вместе с ними, когда перестаешь бояться.

Солнце стояло высоко, когда мы сидели с друзьями в баре у океана. Песок под ногами был горячим — даже через подошву сандалий чувствовалось это плотное, почти обжигающее тепло. Ветер тянул с воды, гнал соленый воздух, и кожа становилась чуть липкой, как всегда бывает у океана.

Мы расположились за низким столиком, пили что-то легкое, говорили ни о чем. Обычный день. Обычные разговоры.

Друг посмотрел на меня, прищурился, разглядывая:

— Прикольные очки. Новые?

Я снял их, протянул ему:

— Хочешь примерить?

Он надел. Повертел головой, посмотрелся в темное стекло телефона, оценивая.

— Ну, прикольно, — сказал он просто, без особого вос-

торга.

Я выдержал паузу. Ровно столько, сколько нужно, чтобы он успел забыть про очки и вернуться к разговору.

Потом достал телефон. Не спеша открыл приложение. Посмотрел на него — он уже следил за моими манипуляциями с легким любопытством. Я нажал play.

Музыка заиграла.

Он замер. Я видел, как в первую секунду его глаза пытаются найти источник звука, — он оглянулся по сторонам, потом посмотрел на мои карманы, потом снова по сторонам. А потом до него дошло.

Брови поползли вверх.

— Подожди... Это откуда? — Голос потерял обычную ленивую расслабленность.

Он снял очки. Посмотрел на них в упор, покрутил в руках, заглянул в дужки. Потом перевел взгляд на меня.

Я молчал. Только губы медленно растягивались в улыбке. Сдержанно. Не торжествующе, но с явным удовольствием от этой секунды.

— Надень обратно, — сказал я тихо.

Он надел.

Музыка продолжала играть. И я увидел, как его лицо меняется. Появляется та самая улыбка — смесь детского шока и настоящего восторга, когда мозг не успевает обработать, а тело уже реагирует.

— Ни хрена себе, — выдохнул он.

И внутри меня поднялась теплая волна.

Я сидел, смотрел на него, на закат, на океан, и чувствовал это новое, незнакомое раньше ощущение. Это было не просто удовольствие или радость от удачной покупки интересной вещицы. Это было превосходство.

И в следующую секунду я поймал себя на том, что начинаю сравнивать. Кто где живет. Кто что может себе позволить. Кто первым узнает о новых технологиях, их пробует и может удивить.

Это было совсем тонкое чувство, почти незаметное на фоне расслабленного вечера и вкусного коктейля. Но оно уже было. Уже сидело где-то внутри, пустило крошечный корешок.

И я не знал тогда, что этот корешок прорастет быстрее, чем я успею оглянуться.

Триста коралловых роз

Это был номер в Como Uma Canggu. Большой, светлый, с той особенной атмосферой дорогих отелей, где кажется, что даже воздух подобран со вкусом. Мягкий свет струился откуда-то сверху, делая белые простыни на кровати почти светящимися.

Триста коралловых роз.

Я выбирал их долго, с пристрастием, уточняя оттенки и размер бутонов. И теперь они заполнили все пространство — стояли в вазах, лежали на кровати, рассыпались по полу,

касаясь плитки нежными лепестками. Запах был густым, может, даже чересчур насыщенным, но я хотел именно этого. Изобилия. Чтобы комната утопала в цветах так, что нельзя было сделать шаг, не задев лепестки.

Когда она вошла, я смотрел на ее лицо.

Сначала было просто удивление — она не ожидала, что номер окажется таким большим. Потом взгляд упал на розы, и она замерла. Следом пришла радость — теплая, живая, она разлилась по лицу улыбкой. А через секунду хлынули слезы. Она закрыла рот ладонью и заплакала, не сдерживаясь.

Я стоял и смотрел на нее, чувствуя, как внутри расправляется грудная клетка. То самое место, которое годами было сжато невидимой резинкой. Вот. Теперь все правильно. Теперь я дал ей то, что она заслуживает. Теперь мы на том уровне, где такие жесты — норма.

Подарки аккуратно лежали на столике. iPad в коробке, AirPods рядом, духи, которые она хотела, очки Charles & Keith — все упаковано, перевязано лентами. Все выглядело идеально.

Приглашенный фотограф щелкал камерой, ловил моменты. Друзья смеялись за соседним столиком, вино лилось в бокалы, кто-то уже танцевал под тихую музыку. Все было так, как должно быть на идеальном празднике.

Я смотрел на нее.

И ждал.

Ждал, что сейчас произойдет что-то главное. Что она по-

смотрит на меня особенным взглядом. Скажет те слова, которые все это время были где-то между нами, но не находили выхода. Что теперь, после этого жеста, после этих 300 роз, после всех подарков и этого номера, между нами станет мягче. Теплее. Настоящее.

Я ждал признания. Не вслух, не обязательно словами, — просто знака, что все не зря. Что она видит меня. Что я наконец достаточно хорош.

Фотограф щелкал. Друзья смеялись. Вино лилось.

А она просто улыбалась сквозь слезы и благодарила. Как благодарят за красивый праздник. И в этой благодарности было все, кроме того, что я надеялся услышать.

Через несколько дней я сидел в своем стеклянном офисе.

Zoom был открыт на ноутбуке, таблицы мерцали на втором экране, сообщения сыпались в Telegram одно за другим. Деньги двигались. Я чувствовал ритм, чувствовал пульс всего этого механизма, который сам же и запустил. И в эти минуты я чувствовал себя центром мира. Без пафоса — просто организм знал: сейчас я на своем месте, сейчас я управляю реальностью.

Дверь приоткрылась.

Она вошла, уже в легком платье, собранная, с сумкой через плечо.

— Ты можешь отвезти детей? Я уже собираюсь.

Я не повернулся. Взгляд остался на экране, пальцы продолжали печатать.

— Я занят.

— Я знаю. Но это правда важно.

Я почувствовал, как напряглась челюсть. Знакомое, привычное сжатие, только теперь оно окрасилось другим оттенком.

— Ты видишь, что я работаю? — Мой голос стал ровным, холодным, без эмоций. — Это то, благодаря чему мы вообще живем в этом доме.

Слова повисли в воздухе. Я не оборачивался, но кожей чувствовал, как она замерла.

Она молчала несколько секунд. Потом тихо, очень тихо сказала:

— Я тоже здесь живу.

Воздух в комнате стал плотнее. Стеклянные стены не спасали.

Я встал из-за стола. Медленно, с достоинством, как человек, который имеет право не спешить.

— Я строю это все. Я тащу этот воз. Мне нужно пространство, чтобы работать.

Она посмотрела на меня. Прямо. В глаза.

— Мне не нужен этот дом, если тебя в нем нет.

Эта фраза ударила. Не в грудь, не в голову — куда-то глубже, в то место, которое еще недавно расправлялось от гордости за 300 роз. Но я не показал.

Я подошел ближе. Остановился. Сказал медленно, разделяя слова:

— Я устроил для тебя лучший день рождения. Я обеспечил тебя всем. Что тебе еще нужно?

Я говорил спокойно. Внешне — абсолютно спокойно.

Но внутри было не спокойствие.

Внутри была власть.

И впервые в жизни я не пытался все сгладить, не искал примирения, не проглатывал обиду. Я стоял и смотрел, как мои слова работают. Как она сжимается. Как отступает. Как в ее глазах появляется то, чего я раньше не видел — или не хотел видеть.

Я наслаждался этим.

Наслаждался тем, что могу не уступать.

Что я наконец-то в позиции силы.

В огромном доме, наполненном светом и воздухом, наступила тишина. Такая плотная, что ее можно резать ножом. Такая громкая, что в ней терялись все звуки снаружи: и детский смех за окном, и шум бассейна, и ветер в пальмах.

Она развернулась и вышла.

А я остался стоять в своем стеклянном офисе, чувствуя, как эта тишина заполняет все пространство. И не мог понять: почему победа не приносит облегчения.

Поздними вечерами дом становился похожим на музей. Слишком тихим, слишком правильным, слишком неподвижным для жилья. Каждый мой шаг отдавался легким гулом где-то в глубине коридоров, будто я ходил по залам, где все давно расставлено по местам и не требует присутствия чело-

века.

Я вышел во двор.

Вода в бассейне была гладкая, как зеркало, и дом отражался в ней ровной линией — все эти стеклянные стены, все эти дорогие материалы, все эти квадратные метры, которые когда-то казались мечтой. Сейчас они просто были. Существовали. Не требовали доказательств.

Я сел в гамак, натянутый между двумя пальмами. Он качнулся, принимая мой вес, и вдруг мое состояние изменилось. Стало тихо. Очень тихо.

Не покой — покой я уже забыл, как выглядит. Не радость — радость осталась где-то в том дне, когда мы кружились по спальне. А просто... расстояние.

Я поймал себя на том, что больше не думаю о выживании. Та мысль, которая годами сидела в затылке, дышала в спину, не давала остановиться, — она исчезла. Вместо нее пришло другое. Я думал о контроле. О том, кто в этом доме главный. О том, что я наконец-то доказал — себе, миру, всем, кто сомневался.

Дом стал больше.

А мы — нет.

Эта мысль пришла неожиданно, без стука, и я даже не сразу понял, что она значит. Просто ощущение перекаса. Едва заметного, почти неуловимого. Как будто что-то важное сдвинулось не туда, но пока не настолько, чтобы бить тревогу.

Я тогда еще не понимал, что лабиринт стал сложнее. Что он перестал пугать — и начал соблазнять. Гладкими поверхностями. Ощущением власти. Возможностью не уступать.

ГЛАВА 4

Новая скорость

Иногда мне казалось, что я наконец нашел выход из лабиринта. Пробил этот дурацкий потолок, прыгнул выше себя, стал тем, кем всегда хотел быть. А потом проходило немного времени — день, неделя, месяц, — и я вдруг ловил пустоту. Внутри будто выключили музыку. И я стою посреди собственной победы, но не чувствую ее вкуса. Совсем.

После миллиона жизнь не стала спокойнее — она стала быстрее. Настолько, что иногда я ловил себя на том, что дышу в ритме ускорившегося мира, даже не замечая этого.

Скорость — хитрый наркотик. Она умеет притворяться жизнью, подделывать ее так искусно, что ты веришь: вот оно, настоящее, вот я лечу, значит, я существую. Но на самом деле скорость просто не дает тебе остановиться. Не дает остаться наедине с собой. А если и дает, то на секунду, ровно настолько, чтобы перевести дыхание и снова рвануть.

У меня внутри поселилось это новое, пьянящее «я могу». Могу не выбирать между нужным и ненужным. Могу не считать каждую мелочь. Могу позволить себе то, мимо чего раньше проходил с каменным лицом, делая вид, что мне это не нужно. И это «могу» было не про комфорт, удобство, ве-

щи, а про власть. Про внутренний щелчок, который звучал где-то в груди: «Теперь я имею право».

Я имею право на этот дом. На этот стол. На этот разговор. На то, чтобы не оглядываться. На то, чтобы решать.

Хотя...

Хотя, если остановиться и подумать, право у меня было всегда. Всегда. Просто я жил так, будто кто-то невидимый следит за мной и выдает разрешения. Сначала надо доказать, потом заслужить, потом пробить головой потолок и только тогда — получить допуск к собственной жизни.

И вот мне его выдали. Наконец-то.

Только почему-то внутри не стало легче.

Я помню этот выезд как отдельный кадр. Вырезанный, увеличенный, застывший.

Мы летели в Джакарту не из желания путешествовать или сменить обстановку, а потому что на всем Бали не нашлось машины, которая бы меня зацепила. И это уже само по себе было симптомом: когда ты готов лететь на другой остров ради того, чтобы увидеть больше выбора, больше моделей, а по факту — ради одной вещи, значит, дело не в вещи. Я выбирал не машину. Я выбирал символ, подтверждение...

Джакарта встретила плотно. Воздух там другой — не пахнущий влажной зеленью и океаном. Он тяжелый, настоящий на выхлопах, бетоне и спешке. Город не дышит — он двигается, переваривает сам себя, гудит на низких частотах. И в этом гудении было что-то родное, знакомое по прошлой

жизни.

Мы приехали в автосалон. И там, за тяжелыми стеклянными дверями, вдруг наступила тишина. Кондиционер выстудил воздух до стерильной свежести, и этот характерный запах нового автомобиля — кожа, пластик, легкая химия, глянец — ударил в нос, как наркоз. Пол в салоне был гладким, почти ледяным, и я запомнил это телом: как подошва будто чуть липнет к идеально вымытой поверхности, когда идешь между рядами машин.

И вот он. GLC 300 Coupe. Стоит под светом, два одинаковых рядом: синий и черный.

Синий красивый, да. Яркий, сочный, заметный. Но внутри сразу шелкнуло: слишком показушно. Слишком «смотрите на меня». А черный — наоборот, чересчур правильно, слишком «как у всех», как статус по умолчанию, без характера.

А у меня внутри уже жил образ. Белый.

Белый — как победа. Как новая версия меня. Как светлый я — тот, который больше не тащит на плечах груз выживания, не боится, не сжимается по ночам. Белый, как чистый лист.

Я медленно обходил автомобиль. Не потому что выбирал — выбор уже случился где-то в глубине, без слов. Я обходил его, чтобы продлить удовольствие, чтобы напиться ощущением, что могу себе это позволить. Просто взять и позволить.

Пальцы скользили по кузову — холодный металл, идеально гладкий, без единой пылинки. Я смотрел на линии, изгибы, на фары, собранные так плотно, что казалось, они выточены из цельного куска света. Внутри салона — идеальная картинка: панель, кнопки, экран, все на своих местах, все дышит качеством.

И в какой-то момент, посреди этого почти медитативного обхода, я поймал себя на мысли. Очень простой. Очень отрезвляющей.

Я не машину выбираю. Я выбираю то, кем должен стать в глазах других. И в собственных.

Белый GLC 300 Coupe — это не про скорость и комфорт. Это про образ. Про того человека, который выходит из этой машины. Про то, как он будет смотреться в отражениях витрин. Про то, как будут смотреть на него.

Я тогда не знал, что образы имеют свойство рассыпаться. Что белый цвет пачкается быстрее других.

Мы вернулись на Бали, и почти сразу накрыло сомнением. Потому что одно дело — эмоция в стерильной тишине автосалона, когда ты обводишь пальцем изгибы кузова и чувствуешь себя почти богом. И совсем другое — реальность, которая ждала дома: деньги, которые придется отдать, ответственность, которая никуда не делась, семья, ее планы, наш общий фундамент.

Мы даже съездили посмотреть Honda. Все там было нормально. Комфортно, практично, разумно. Хорошая машина.

Правильная. Логичная.

Эту сцену я помню как легкий, но точный удар по голове. Мы вышли из салона, сели в машину, и жена сказала спокойно, почти без эмоций, тем ровным голосом, каким говорят только самые важные вещи:

— Нет. Мне Honda не подходит.

— Почему? — спросил я, хотя внутри уже поднялось предчувствие, что ответ мне не понравится. Или понравится слишком сильно.

— Потому что я хочу себе Mercedes. Только Mercedes.

Не «нам». Не «семье». Не «для удобства» или «потому что так правильно». А просто «хочу». Как ребенок, который вдруг перестал быть удобным и заявил о своем желании громко и четко.

И внутри у меня поднялось странное, двоякое чувство. С одной стороны — чистый кайф: «Я могу ей это дать. Я действительно могу. Вот она, моя сила, моя состоятельность». С другой — глухое раздражение: «А ты вообще видишь, сколько я для этого пашу? Ты понимаешь, какая у всего этого цена? Не только денежная».

Но вместо того, чтобы сказать это честно, признаться в усталости и в этом глухом «а ты ценишь?», я начал играть. Включилась старая, хорошо отлаженная стратегия — контроль. Я мгновенно занял позицию того, кто решает.

Я молчал, но внутри уже считал: если я дам ей это, она станет мягче. Благодарнее. Тише. Если дам, она наконец пой-

мет, сколько я стою. Если дам, между нами все выровняется.

И вот тут, в этой тишине, в этом моем внутреннем торге, начал подползать холод. Почти незаметно, как сквозняк под дверью, который чувствуешь только через час, когда уже продрог до костей.

Папа, который может

День рождения младшего сына мы решили не праздновать дома. Сняли виллу в пятизвездочном отеле — там, где всё как с картинки в рекламном буклете: идеальные газоны, мягкий свет, аккуратные дорожки, вода плещется где-то рядом, и во всем этом сквозит ощущение, что жизнь наконец-то «получилась». Удалась. Вышла такой, какой ее показывают в кино.

Украшения, шарики, детский стол, торт — все было. Гости смеялись, дети носились по лужайкам, визжали, падали, вставали и бежали дальше. А я ходил среди всего этого и чувствовал странный коктейль, который никак не мог разобрать на ингредиенты. Радость и напряжение. Гордость и тревогу. Потому что я был уже не просто «папа». Я был «папа, который может». И это «могу» висело в воздухе тяжелее, чем все шарики, вместе взятые.

А потом на празднике появился Макс.

Он тогда в моем внутреннем рейтинге стоял где-то высоко, в категории «богатые». Уверенный, на Lexus, с той особенной манерой говорить, когда в голосе уже заложено: «Я знаю жизнь, парень, не рассказывай мне». Он привез пода-

рок Мише — огромный игрушечный «гелик». Настоящий такой, маленький Mercedes, в который ребенок может сесть и ехать, пока родитель управляет с пульта. Макс поставил машинку на террасе, улыбнулся мне и сказал коротко:

— Колян... ну тебе уже пора.

Я рассмеялся, отмахнулся:

— Да ну, брат, не гони.

Но он посмотрел на меня так, что внутри что-то екнуло. Взглядом, в котором читалось: «Я вижу, что ты уже готов. Ты уже там. Просто сам себе еще не разрешил».

Мы выпивали в тот вечер. Не то чтобы напивались, но алкоголь сделал свое дело — размягчил внутренние тормоза, снял лишние предохранители. Музыка, теплый воздух, вечерний шум, голоса, смех — все смешалось в один густой, расслабленный коктейль. А ближе к ночи, когда гости уже чуть поутихли, когда головы стали легче, а эго — смелее, я поймал тот самый момент. Опасный момент, когда решение вдруг начинает казаться судьбой.

Я помню, как вышел на улицу и на секунду остановился. Ночь на Бали была живая. Теплая, густая, плотная, как сироп. Где-то далеко шумела вода, в кустах стрекотало что-то маленькое и неутомимое, воздух будто лип к коже, и алкоголь чувствовался в теле не как опьянение, а как легкая, пьянящая смелость. Как будто сняли крышку, за которой все это время что-то кипело.

Макс в какой-то момент подошел ближе, понизил голос

до заговорщического шепота, будто мы обсуждали что-то взрослое и тайное:

— Колян, ну серьезно... Ты сейчас либо сделаешь это, либо будешь еще полгода «смотреть». А ты уже вырос, брат. Пора.

Я кивнул. Хотя внутри все равно спорил. В трезвом состоянии я всегда был «разумным». Всегда заботился о безопасности. Всегда держал «крышу над головой» как главный приоритет, но тогда во мне заговорил другой голос. Не про безопасность, а про победу.

Я отправился в свою комнату. Сел на край кровати. Шум праздника за стенами стих — шаги стали реже, голоса мягче, смех ушел куда-то в дальние комнаты, оставив меня в тишине. Я достал телефон. Открыл переписку. Контакты. Менеджер. Палец завис над кнопкой.

И вот здесь в голове началось кино.

Кадр: белый Mercedes во дворе.

Кадр: я выхожу из него в солнечных очках, небрежно, как будто всю жизнь так делал.

Кадр: Макс смотрит и говорит коротко: «Жир».

Кадр: жена смотрит на меня иначе — с гордостью, с восхищением, с чем-то, чего я так давно ждал.

И параллельно, где-то на фоне, звучал другой голос. Тихий, почти злой, въедливый:

«Ты уверен? А если завтра все рухнет? А если ты снова окажешься в том состоянии, когда не знаешь, где жить и

на что покупать еду?»

У меня пересохло во рту. Я сглотнул. Ладони стали чуть влажными — не от страха, от ставки. От понимания, что сейчас происходит что-то необратимое.

Я сделал вдох.

И совершил то, что утром обдумывал бы сто раз. Взвешивал, сомневался, откладывал. А той ночью хватило одного движения.

Я отправил задаток.

Экран мигнул. Подтверждение. Цифры. Готово.

Пальцы дрожали не от страха, а от того сладкого, почти запретного ощущения: «Я это сделал». Я смотрел на телефон, как будто он только что сообщил мне нечто важное о моей жизни. Внутри короткой вспышкой полыхнуло: «Теперь я точно другой».

Я лег на кровать и тихо засмеялся. Мне не было смешно, я просто не мог осознать произошедшее. Как будто вся моя жизнь вдруг подмигнула мне и сказала: «Ну что, проверим? Посмотрим, кто ты теперь?»

А потом был день, который запомнился мне на тактильном уровне. Когда тело помнит больше, чем голова. Когда воздух, звуки, температура — все врезается в кожу и остается там навсегда.

Мне привезли Mercedes на лафете.

Огромная платформа заехала в ворота, и я увидел его сверху — весь в белой защитной пленке, в целлофане, за-

мотанный так тщательно, будто это не машина, а огромный подарок, который боялись повредить по дороге. Лафет медленно вполз во двор, и пространство виллы вдруг перестало быть просто пространством. Оно стало сценой. Центром. Местом, где сейчас происходит главное.

Персонал вышел смотреть. Садовники замерли с секаторами в руках, девушки на кухне прильнули к окну. Жена вышла на порог, вытирая руки о полотенце. Дети прибежали с криками, еще не понимая, что случилось, но уже чувствуя: что-то важное.

И я стоял, а внутри меня проигрывалась очень древняя программа. Та, что, наверное, написана в генах еще пещерных предков: «Смотри. Я сделал. Смотри, какой я». Я поймал себя на этой мысли и все равно не мог остановиться. Кайф был сильнее понимания.

Когда пленку начали снимать, я услышал, как она шуршит на ветру. Этот звук — целлофан, ветер, руки рабочих, аккуратно тянущие край, — он въелся в память отдельным треком. Как будто снимали кожу со старой версии меня. Того, который еще не имел права. Того, который проезжал мимо салонов и отводил глаза.

Белый цвет появлялся постепенно. Сначала капот, потом крыло, потом дверь — медленно, как свет на рассвете. И в этот момент я почувствовал, как внутри распирает. Не просто радость, не просто удовольствие. Гордость. Настоящая, теплая, плотная гордыня, которая заполнила грудную клетку

до краев.

Я улыбался так, будто мир наконец-то признал меня. Весь мир. Сразу.

Следующая сцена — дома. Не в ресторане, клубе или в пафосном зале, куда надо ехать и соответствовать. Дома. На нашей террасе.

Огромный балийский закат разливался по небу оранжевым и фиолетовым, теплый воздух обнимал кожу, издалека доносились звуки острова: собаки, мопеды, где-то играла музыка. У нас играла своя — мягкая, дорогая, обволакивающая, из хорошей акустики, которую я купил недавно и теперь гордился ею, почти как машиной.

Пришли гости. Кто-то принес цветы, кто-то вино, кто-то просто себя — яркого, громкого, праздничного. Женщины смеялись чуть громче обычного, мужчины говорили чуть увереннее. В воздухе висело то особое напряжение, которое бывает, когда все знают: сегодня здесь происходит что-то важное.

И в какой-то момент подошел Макс.

Он приехал на своем Lexus, припарковался чуть поодаль и теперь стоял рядом со мной, смотрел на белый Mercedes, припаркованный во дворе, и я видел, как он пытается сдерживать эмоцию. У него это плохо получалось.

Макс был удивлен.

Настоящим, живым удивлением человека, который не ожидал. И мне... мне стало приятно. Я не хотел его унижить

или поставить на место. Нет. Все дело в том, что внутри меня всю жизнь сидел маленький мальчик, который очень хотел услышать от старших: «Ты смог. Ты справился. Ты теперь свой».

Макс улыбнулся своей широкой улыбкой и сказал в фирменном стиле, чуть нараспев:

— Колян... это жир. Реально жир.

Я рассмеялся, отмахнулся привычным:

— Да ладно, брат.

Но он уже не слушал меня. Он смотрел на машину и говорил будто сам с собой, будто с самим фактом моего существования в этой точке:

— Пойдем. Покажешь, как там внутри.

«Избранный»

Мы сели.

Тишина внутри машины была другой. Не той, к которой привык за годы езды на обычных авто, где мотор слышно, где шины шуршат, где мир пробивается сквозь стекла назойливым гулом. Здесь тишина была плотной, почти осязаемой. Как будто салон не просто изолировал от внешнего шума, а делал меня важнее, чем я есть. Значительнее. Весомее.

Кожа на сиденьях — прохладная, даже сквозь одежду чувствуется ее гладкая, дорогая поверхность. Запах новый, тот самый, который бывает только у машин, только что снятых с транспортировочной пленки. Смесь пластика, кожи, клея и

чего-то неуловимо сладкого. Запах статуса.

Макс провел пальцами по рулю, погладил, будто проверял подлинность.

— Офигеть... — сказал он тихо, почти шепотом. И добавил, глядя на меня с уважением, которого раньше не было. — Ну ты... красавчик.

И вот это «красавчик» попало мне прямо в грудь. Не в уши, не в голову, а именно в грудь, в солнечное сплетение. Как награда. Как медаль, которую вешали при всех. Я чуть расправил плечи, хотя и так сидел прямо. Смотрел вперед, на приборную панель, на этот идеальный белый свет, заливающий салон, и внутри меня поднималось то, что я раньше подавлял. То, что считал недостойным, неправильным, опасным.

Чувство превосходства. Не злое и агрессивное, то, которое хочет унижить. Нет. Другое. Теплое, пьянящее, которое шепчет: «Ты теперь выше. Ты имеешь право. Ты можешь смотреть на других иначе». И в этом «иначе» таилась главная опасность, которая незаметно, по капле, превращает любовь в сделку. Семью — в аудиторию, которая должна рукоплескать. Жизнь — в бесконечное доказательство собственной состоятельности.

Я улыбнулся Максу, поймал его взгляд в зеркале заднего вида и будто невзначай, чуть лениво, с той интонацией, которую раньше не мог себе позволить, произнес:

— Ну что, брат... теперь по-другому.

И в этот момент я сам себе не поверил. Но очень хотел, чтобы поверили другие.

А дома, за всей этой красотой, за белой машиной во дворе, за цветами и бутылками, за поздравлениями и уважением Макса, уже копилось другое. То, что не видно на фотографиях. То, о чем не расскажешь гостям.

Жена подошла вечером, когда все разошлись. Спросила о чем-то простом, почти бытовом, о чем обычно договариваются за минуту, не задумываясь:

— Завтра отвези детей, пожалуйста. Мне нужно заехать в одно место.

— Я не могу, у меня дела.

— Какие дела? — Она посмотрела на меня внимательно, будто видела что-то, чего я сам не замечал. — Ты весь день дома.

— Потому что я работаю, — ответил я жестче, чем следовало. — Не «дома», а работаю. Это разные вещи.

Она устала. Я видел это по глазам, по тому, как она стояла, чуть опершись на дверной косяк. Я сам устал. Но проблема была не в усталости. Проблема была в том, что внутри меня уже начал формироваться новый счет. Я начинал считать себя человеком, которому должны. Который заслужил право не отчитываться, не объяснять, не вникать в мелочи.

— Ты понимаешь, сколько на мне? — Голос мой зазвучал громче, чем хотелось. — Ты понимаешь, что я все это тяну?

Дом этот, машину эту, все, что у нас есть?

— Я понимаю, — ответила она тихо, без защиты, но и без готовности прогибаться. — Я все понимаю. Но ты разговариваешь со мной как начальник. Как будто я твой подчиненный, а не жена.

И вот тут внутри щелкнуло.

Я хотел от нее другого — услышать «спасибо». «Ты герой». «Я горжусь». «Я буду мягче». «Я буду послушной». Я хотел признания. Капитуляции. Благодарности за все, что сделал. За каждую ночь без сна, за каждый страх, за каждый миллион, который пришел через боль.

Но она не говорила.

И я злился. Глухо, тяжело, не находя выхода.

— Послушай, я не могу еще и это все разруливать. Я занят. У меня работа, проекты, люди, которые от меня зависят. А ты со своими бытовыми вопросами.

— Ты занят собой, — сказала она тихо. Так тихо, что эти слова прозвучали громче любого крика.

Они резанули. В них не было злости или желания уязвить — только усталая констатация факта.

И вместо того, чтобы остановиться, услышать, признать, я начал давить дальше. По инерции, по привычке, по новой программе, которая включилась во мне вместе с белым Mercedes.

— Ты не ценишь. Я вот это все делаю, а ты даже не понимаешь, чего мне это стоит.

— Я не просила тебя делать все это. — Она посмотрела мне прямо в глаза, и в этом взгляде не было ни капли агрессии. Только грусть. — Я просила быть рядом. Просто быть. А не тащить, доказывать, строить империю. Я просила тебя.

И вот тут возник тот самый холод. Он не приходит как трагедия. Не обрушивается лавиной и не бьет наотмашь. Он появляется незаметно, как микротрещина. Сначала в голосе — появляется металлическая нотка, которой раньше не было. Потом во взгляде — он становится чуть более пустым, чуть более направленным сквозь тебя, а не на тебя. Потом — в том, как вы проходите мимо друг друга в коридоре огромного дома и расстояние между вами вдруг оказывается больше, чем эти несколько метров.

Всё или ничего?

Снаружи у меня было все. Новая вилла, пространство, которое раньше только снилось. Друзья, которые теперь смотрели иначе. Подарки, которые я мог дарить не считая. Машина, белый GLC Coupe, стоявший во дворе как живое доказательство. Статус. То самое «получилось», за которым я гнался столько лет.

Но внутри постепенно исчезал вкус.

И это было самое страшное. Я же наивно полагал, что вкус вернется, если добавить еще. Еще впечатлений. Еще поездок. Еще красивых кадров, которые можно поставить в соцсети и собрать положенные лайки. Еще «пиков» — тех са-

мых вершин, после которых должно наступить насыщение.

И тогда появилась мысль съездить в Каппадокию[3]. Как идея: «давай сделаем красоту». Слетаем туда, где небо каждое утро заполняется десятками воздушных шаров, где пейзаж выверен до миллиметра, где любой ракурс дает открытку.

И мы сделали.

Каппадокия.

Там было красиво так, что у самой красоты не оставалось смысла. Шары в небе на рассвете — десятки, сотни, они поднимались медленно, будто нехотя, будто знали, что их снимают. Камни, выветренные тысячелетиями, стояли как древние лица, равнодушные к суете. Теплый воздух обнимал кожу. Люди с камерами сновали повсюду, как паломники нового времени, ищущие не Бога, а идеальный кадр.

Мы сидели на террасе отеля. Кофе, пледы, правильная сервировка. Сначала было ощущение, что мы внутри открытки. Будто все специально выстроено так, чтобы мы сказали: «Вау!» Небо — правильного оттенка розового. Свет — правильной мягкости, как в фильмах с хорошим оператором. Шары поднимались медленно, почти благородно, не спеша, будто знали себе цену.

Люди вокруг говорили шепотом, как в храме. Кто-то держал телефон двумя руками, будто боялся упустить момент. Кто-то улыбался слишком широко — той улыбкой, которая должна доказать счастье, но доказывает только усилие.

Я держал чашку кофе и чувствовал ее тепло в ладони. Простое, живое тепло.

И в этом тепле было больше жизни, чем во всем пейзаже вокруг.

Внутри меня было ощущение, что я смотрю кино. Красивое, идеально снятое, с правильным светом и правильной музыкой. Но я не внутри кадра. Я стою чуть дальше, за стеклом, и наблюдаю. Вижу все, но не участвую.

Я ловил себя на том, что автоматически делаю правильные вещи. Улыбаюсь — потому что здесь принято улыбаться. Говорю «красиво» — ведь это ожидают услышать. Соглашаюсь с общими восторгами. Фотографируюсь на фоне шаров — потому что надо, для памяти, для подтверждения.

И в эти секунды я замечал собственное тело. Как спина чуть напряжена, хотя вокруг релакс. Как челюсть сжата, хотя я должен быть мягким и расслабленным. Как внутри висит тонкая тревога, без причины, просто как фоновый шум, который не выключается.

В какой-то момент один из шаров пролетел прямо над нами — низко, огромный, почти касаясь корзиной крыш отеля. Люди вокруг ахнули. Кто-то захлопал. Женщина за соседним столиком закрыла рот ладонью.

А я — нет.

Я посмотрел на этот шар, на его правильные очертания, на корзину, где стояли туристы и махали вниз руками, и внутри... ничего. Пустота. Тишина. Абсолютное отсутствие от-

клика.

Парадокс: вокруг — кино, которое миллионы людей мечтают увидеть своими глазами. А внутри — пустота. Как будто я смотрел на свою жизнь через стекло. Толстое, прозрачное, невидимое — но стекло. И в какой-то момент поймал себя на мысли, от которой стало по-настоящему неуютно. Холодно внутри, несмотря на теплый воздух Каппадокии.

Мне неинтересно. Не «я устал», «мне грустно», «я хочу домой». А именно — неинтересно. Будто моя душа не подключена к происходящему. Будто ее вообще нет в этом теле, сидящем на террасе с чашкой правильного кофе. Она осталась где-то там — в цехе с запахом клея? В моменте, когда мы кружились по спальне? В том дне, когда я впервые сказал «мы миллионеры»?

Я не знал ответа. Но чувство, что внутри исчез вкус, стало итогом этой поездки. Самой красивой и самой пустой.

Усилители

В такие моменты люди часто делают одно и то же. Они пытаются вернуть вкус искусственно. Не потому что они плохие, нет. Всё оттого, что не знают другого способа. Не знают, как достучаться до себя, когда внутри уже давно никто не отвечает.

Я не хочу расписывать подробности того сложного периода. Эта история не про это, не про подсчет ошибок и не про исповедь в деталях. Но мне важно признать — хотя бы для

себя, хотя бы здесь, в этой книге.

В том «сложном моменте» было все то, чем люди обычно пытаются заглушить ум. Алкоголь — как самый быстрый выключатель, который работает ровно до тех пор, пока не перестает работать совсем. И то, что приходит рядом с алкоголем, — желание стать еще тише внутри, отключить этот бесконечный внутренний монолог, который все время что-то доказывает, сравнивает, оценивает.

Но со мной случилась странная штука.

Вместо того чтобы расслабиться, я почувствовал тревогу. Не страх бедности — деньги были, и их становилось больше. Не страх провала — бизнес работал, и работал хорошо. Другой страх. Более глубокий. Более липкий.

Страх разоблачения.

Что кто-то — жена, друзья, Макс, даже я сам — вдруг увидит меня настоящего. Не того, кто выходит из белого Mercedes и улыбается с правильной самоуверенностью. А того, кто сидит внутри всего этого и не чувствует вкуса. Уставшего. Сломанного. Потерянного.

Страх, что однажды кто-то спросит: «Колян, а ты вообще счастлив?» — и я не смогу ответить. Язык не повернется со- врать, а правда слишком страшная для человека, у которого есть всё.

После таких поездок, как Каппадокия, возвращаешься и думаешь, что теперь станет легче. Что красивая картинка снаружи наконец-то заполнит пустоту внутри. Что впечатле-

ния, как краска, зальют трещины.

А становилось хуже, потому что дома — зеркало. И оно не умело льстить.

Жена уже не играла в моем фильме. Не смотрела с тем восхищением, которое я успел привыкнуть получать от других. Она просто жила рядом — и видела.

Она чувствовала, что я изменился. Не в моменте, не после одной поездки — это копилось месяцами. Во мне появилось что-то жесткое, чего раньше не было. Я стал говорить иначе — в голосе прорезались металлические нотки, которые я сам не замечал, но она слышала. Смотреть иначе — взгляд стал тяжелее, требовательнее. Реагировать иначе — на простые просьбы, на детские вопросы, на ее усталость.

И самое главное — я начал требовать. Не словами, нет. Словами я все еще был нормальным, даже ласковым иногда. Но состоянием. Всем своим присутствием я требовал признания. Благодарности. Покорности. Я хотел, чтобы мир вокруг преклонил колено перед тем, кем я стал.

И когда этого не происходило — когда она не падала ниц, не говорила «ты мой герой», не растворялась в благодарности за каждый подарок, — я становился холоднее. Сначала чуть-чуть, потом больше. Иногда грубее. Иногда громче. От того, что внутри сидело: «Я же для вас стараюсь. Я же все это делаю. А вы не цените».

Как будто деньги дали мне право быть «настоящим». Сбросить маски, перестать сдерживаться, показать себя та-

ким, какой я есть, но то была не «настоящность», а эго. Раздувшееся, голодное, ненасытное, которому всегда мало признания, благодарности, любви.

Когда я вспоминаю этот период сейчас, оглядываясь назад с тем знанием, которое приходит только после, мне кажется, что это был пик. Самая высокая точка. Вершина, на которую я так долго карабкался, обдирая руки в кровь.

Но пик чего?

Не счастья. Нет. Счастье осталось где-то там, внизу, в самом начале восхождения. Пик иллюзии. Самой красивой, самой убедительной, самой опасной.

Я был уверен, что нашел дверь. Ту самую, за которой начинается настоящая жизнь. Та, где не надо больше доказывать. Где можно просто быть. Где страх остается за порогом, а внутри — только свет, покой и благодарность.

Я думал, что деньги — это ключ. Что статус — это пропуск. Что белый Mercedes во дворе, Каппадокия в телефоне, уважение Макса и зависть остальных — это и есть подтверждение: ты взошел на вершину.

Но жизнь не стала другой. Она стала... страннее.

Странно, когда у тебя есть все, а внутри пустота. Не та, которую ищешь в медитациях, а мертвая. Странно, когда ты стоишь посреди собственной победы и не чувствуешь вкуса. Странно, когда люди смотрят на тебя снизу вверх, а ты чувствуешь себя не выше, а меньше, чем был, потому что дверь оказалась нарисованной, а я, как ребенок, поверил, что за

ней что-то есть.

ГЛАВА 5

Нннадо!

Иногда думаешь: просто плохое настроение. Ну бывает. С кем не случается. Просыпаешься — и уже устал, хотя ночь вроде была длинной. И ум сразу подбирает объяснения, потому что не может жить без причин. Рационализирует, раскладывает по полочкам: переработал, выгорел, сезонное, просто нужно отоспаться, и все вернется.

И правда, иногда возвращается.

Но бывают состояния, где сон не помогает. Вообще. Просыпаешься после десяти часов — а внутри то же самое. Та же тяжесть. Та же пустота. То же чувство, будто тащишь на себе что-то невидимое, но очень тяжелое.

И тогда начинаешь понимать: устал не я — тело, мышцы, спина, которая годами носила этот груз, — а тот, кто внутри меня все время говорит. Тот голос, который будил по ночам, перечислял задачи, сравнивал с другими, напоминал о долгах, подгонял, ругал, обесценивал, снова подгонял.

Он устал. Но не может остановиться.

Как старый мотор, который уже давно выработал ресурс, но продолжает тарыхтеть по привычке, потому что никто не нажал кнопку «выкл.». И вот это тарыхтение — оно и есть та самая усталость, от которой не спасает сон, ведь мотор не спит никогда.

Перед этой поездкой мы с женой ссорились несколько дней. Это были не громкие скандалы с битьем посуды — хуже. Это были такие ссоры, после которых в доме остается не тишина, а напряжение. Оно висит в воздухе, заполняет углы, оседает на стенах. И ты физически чувствуешь, как проходишь сквозь эту плотность каждый раз, когда следуешь из спальни на кухню. Как будто у стен появляется память. Как будто дом запоминает все, что мы друг другу не сказали, но вложили в интонации.

Я не хотел ехать на Бромс[4]. Вообще. Это было не капризное «не хочу», не ленивое «давай перенесем», а глухое, тягучее сопротивление, которое поднималось откуда-то изнутри и не давало дышать. Я говорил это прямо, без попыток смягчить, без дипломатии:

— Я останусь дома.

Она стояла напротив — собранная, уже с сумкой, уже в дорожной одежде, — и смотрела на меня так, как будто я отказался не от поездки. Как будто я отказался от нее. От семьи. От той самой «нормальной жизни», которую мы так долго строили и которая теперь, по всем раскладам, должна была быть идеальной.

— Мы едем, — сказала она ровно, без истерики, но так, что за этим «едем» стояло все. — Там наши друзья. Дети ждут. Мы не можем просто взять и не поехать.

Я пытался объяснить то, что объяснить невозможно. Что

у меня внутри — не каприз, не усталость, не лень. Что там, внутри, уже дыра. Черная, вязкая, которая засасывала все: радость, желания, смыслы. Но когда ты пытаешься сказать человеку «мне плохо», а при этом у тебя вилла на Бали, белый Mercedes во дворе, океан за забором и деньги на счетах, это звучит как оскорбление. Как издевательство. Как неблагодарность.

Она не понимала. И самое страшное, я сам себя не понимал. Я не мог найти слов, не мог объяснить, почему внутри такая тяжесть, когда снаружи все так красиво. Я только чувствовал, что меня тащит вниз что-то невидимое, что-то, что сильнее меня. И чем больше сопротивлялся этому чувству, чем больше пытался его задавить, тем сильнее оно тянуло.

Я помню, когда предложил:

— Давай хотя бы не будем ссориться при детях.

Я произнес это не как просьбу. Уже не как просьбу. Это была последняя попытка удержать хоть что-то, потому что дети были рядом. Слишком близко. Они слышали наши голоса — не слова, но интонации. Они чувствовали наши паузы, нашу холодность, наше напряжение, которое передавалось им, как вибрация через пол.

Я уже тогда видел: это оставляет след. Что они запомнят не Бали, не океан, не наши улыбки на фотографиях. Они запомнят это — как мы стояли в разных концах комнаты и говорили друг с другом так, будто между нами стена.

Но остановиться мы не могли.

Дорога была длинная. Двенадцать часов в машине — это много, даже когда все хорошо. Когда внутри порядок, когда есть о чем говорить или хотя бы о чем молчать вместе. А когда внутри тревога, когда она сидит в груди и дышит в такт с тобой, дорога превращается в тоннель. Бесконечный, без просвета.

Я сидел и, кажется, не ехал. Просто находился в движущейся клетке, которая тащила меня туда, куда я не хотел. Дети рядом — они то засыпали, уронив головы на игрушки, то просыпались и начинали просить воды, то спорили из-за планшета, то снова засыпали. Обычная дорожная жизнь. И я пытался быть нормальным. Говорить спокойным голосом, когда они что-то спрашивали. Шутить, когда требовалась шутка. Улыбаться, когда они смотрели.

Но внутри в это время происходило другое.

Как будто сердце работало не в своем ритме. Как будто в груди стоял какой-то мотор, который включили давно и забыли выключить. Он гудел ровно, непрерывно, и этот гул заполнял все пространство внутри меня, не оставляя места ни для чего другого.

Я помню, как становилось тяжело дышать, будто воздух переставал доходить до дна легких, останавливался где-то на полпути и я делал вдох, который не завершался. Вдох без выдоха. И с каждым таким разом внутри накапливалось что-то темное и липкое.

И в этот момент начинался стыд, ведь рядом семья, а я должен быть мужиком, должен держаться, быть опорой, быть скалой, за которой все могут спрятаться. Потому что у меня есть все, чтобы быть счастливым, и я не имею права разваливаться на части.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.